

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

(см. рис. на 6-7 стр. цв. вкладки)

Историки XIX в. воспринимали средневековые трогательно и романтично. Они считали, что начало западноевропейской геральдике положили крестовые походы: закованные в железо с головы до пят рыцари придумали рисовать на щитах особые разноцветные знаки, чтобы отличить в бою своих от врагов [1]. Покрыв славой оружие, рыцари возвращались в родные края - во Францию, в Германию, в Англию - и на смертном одре завещали эти знаки воинской доблести вместе с мечом, копьем и щитом своим сыновьям. Те, в свою очередь, отправлялись в следующий крестовый поход и, ревнуя к славе отцов, совершали новые подвиги, а потом передавали своим сыновьям иссеченные в сражениях щиты с эмблемами, которые таким образом становились честью и гордостью рода...

Нам осталось не так уж много надежных исторических свидетельств для изучения средневековой геральдики, из-за чего историки неоправданно часто прибегали к экстраполяции, перенося сведения, относящиеся к XV-XVI вв. и даже более поздние, несколькими столетиями ранее. Средневековые печати в данных обстоятельствах заслуживают особого внимания. Как источник они уникальны, ибо сочетают надпись, позволяющую определить владельца, и изображение, позволяющее просто видеть, а не домысливать; они довольно многочисленны (по данным М. Пастуро, для всей Западной Европы насчитывается ок. 3 млн. печатей [2]), и в то же время каждая - единственная в своем роде: ее делали на заказ с особой тщательностью и точностью, не выдумывая того, чего не существовало, так как в противном случае скрепленный ею документ утрачивал юридическую силу. Подвешенные к грамотам печати обычно хорошо датируются (оторванные, естественно, хуже) и дают довольно жесткие временные рамки, что очень важно для средневековья - эпохи, когда было множество хронистов, но почти не существовало ощущения значимости самого времени и, соответственно, указаний на даты.

Мы ограничимся только французскими печатями XI-XIII вв., ибо "нельзя объять необъятное". Франция послужит как бы лакмусовой бумажкой предлагаемой гипотезы, так как французские рыцари активно участвовали во всех крестовых походах и, следовательно, находились в тех же условиях и испытывали те же влияния, что рыцари немецкие, английские и др.

Итак, возражение первое: для того, чтобы узнать своих в сражении, рыцарям не нужны были щитовые эмблемы, ибо по крайней мере до Четвертого крестового похода (1202-1204) включительно, они в большинстве своем носили открытый шлем, иногда с носовой стрелкой (см. печать Тибо III, графа Шампанского, от 1198 г. (рис. 15) [3]). Более того, в условиях жары, царившей в Святой земле, многие, даже самые знатные, закрытым шлемам, в которых очень трудно дышать даже вне боя, предпочитали

легкие "бассинеты" (bassinets) (рис. 11) или так называемую "монтобанскую шапку" - железный шлем с полями (см. печать Филиппа Эльзасского, графа Фландрского, от 1159 г. (рис. 5)); также носили кожаный шлем, усиленный железными полосами [4] (см. печать Галерана II, графа де Молан, от 1136 /1138 г. (рис. 4), или печать Гераута I, графа д.Арманьяк, 1245/1283 г. [5]). Их использовали, как мы видим, даже во второй половине XIII в., не говоря уже о более раннем периоде. То, что часто называется "шлемом крестоносцев" - закрытый, горшковидной формы, с плоским верхом, иногда снабженным небольшим гребнем, - появился в последней четверти XII в.; его носили лишь самые знатные - короли, герцоги и графы, наиболее крупные шателены (т.е. владельцы замка с подчиненным их власти округом, насчитывавшим до трех десятков деревень): Ричард Львиное Сердце (оборотная сторона печати 1198 г.) [6]; принц Людовик Французский (будущий король Людовик VIII, печать 1209-1211 г.) [7]; Артур I, герцог Бретонский (печать 1196-1203 г.) [8]; Готье III, граф де Бриенн (печать 1192 г. (рис. 14) [9]; Жоффруа V, граф дю Перш (печать 1196 г.) [10]; Бодуэн I Фландрский, император Константинопольский (оборотная сторона буллы 1195-1206 г.) [11]; Бозмунд III, принц Антиохийский (лицевая сторона буллы 1186 г.) [12], etc.

Печати последней четверти XII в. наглядно демонстрируют, что щит уже украшался гербом, а рыцарь еще носил открытый шлем: Людовик, граф Блуа и Шартра (печати 1196 и 1202 г.) [13]; Герхард Гелдрнский, граф де Булонь (печать ранее 1181 г.) (рис. 11) [14]; Жоффруа V, граф дю Перш (печати 1190, 1192/1195, 1196 г.) [15]; Раймон-Беренгарий, граф Прованса (печать 1209/1245 г.) [16]; Бернар II, сир де Сен-Валери-сюр-Сомм (печать 1181 г.) (рис. 12) [17]; Филипп Эльзасский, граф Фландрский (печать 1168/1191 г.) [18]; Тибо III; граф Шампанский (печать 1198 г.) (рис. 15) [19] - и наоборот, при закрытом шлеме щит оставался пустым: Артур I, герцог Бретонский (печать 1196/1203 г.) [20]; Бозмунд III, принц Антиохийский (лицевая сторона буллы 1186 г.) [21]. Заметим здесь, что до конца XII в. мы располагаем печатями, принадлежавшими в подавляющем большинстве этой высшей знати (90-100 % в зависимости от региона [22]); печати мелкого рыцарства еще очень редки. Но вот инвентарь снаряжения, поставленного в крепости, удерживаемые Филиппом II Августом (ок. 1210 г.), дает более объективную картину. Среди доспехов там перечислены 263 предмета для защиты головы воина, из них 138 "касok" без определения (galea [23]), 88 двойных и 38 простых, одинарных; 403 "железные шапки", а также 80 шлемов (helmo) [24], надо полагать закрытых.

Но и без этого военное снаряжение мусульманских воинов и западноевропейских рыцарей разительно отличались друг от друга, знак на щите тут ничего существенно не менял.

Возражение второе: обычный доспех того времени - "большой хауберк" (фактически, длинную кольчугу с юбкой и капюшоном) с последней четверти XII в. стали укреплять на груди железными пластинами. Вильгельм Бретонец, официальный историограф французского двора, в своей "Philipide" (песнь III, стих 494-498) так описывает поединок между Виль-

гельмом де Барр и графом де Пуатье (будущим королем Англии Ричардом Льюиное Сердце) в 1189 г.: "...И то, и другое дубовое копьё прошли сквозь щиты до самого тела; в храбрости своей они пробрили гамбезон [25] и провали тройной хауберк; воспламененным стремлением вперед, им едва стала препятствием железная пластина, которой каждый предусмотрительно защитил свою грудь" [26]. Для защиты жизненно важных органов почти до середины XIII в. использовался длинный и тяжелый миндалевидный щит. Изготовленный из дерева и обтянутый кожей, он обычно имел металлический умбон и часто усиливался металлической же оковкой по краю и полосам в поле: Рауль I Доблестный, граф де Вермандуа (печать 1116 г.) [27]; Галеран II, граф де Молан (печать 1136/1138 г. (рис. 4) [28]; Рено, сир де Сен-Валери-сюр-Сомм (печать ок. 1160 г. (рис. 6) [29]; Робер, сир де Витре (печать 1161 г. (рис. 7) [30]; Андре, сир де Витре (печать 1173 г. (рис. 10) [31]; Гуго VI, сир де Шатоден (печать ок. 1181 г. (рис. 13) [32]. Иногда усиливающие полосы располагались на щите крест-накрест, образуя рисунок, который позднее войдет в геральдику под названием "карбункула" (См. печать Гуго VI, виконта де Шатоден (рис. 13) или витражи Шартрского собора "Взятие Памплоны" и "Сон Константина" из цикла "Карл Великий" (рис. 16) [33]. Именно его называют "старым гербом Анжу" [34], хотя такового в природе не существовало, так как графы д'Анжу, став герцогами Нормандскими в 1151 г. и королями Англии в 1154 г., приняли самый высокий из своих титулов и, соответственно, его герб.

Вот интересное наблюдение: в XI - первой половине XII в., а порой и позднее, всадник на печати изображался вообще без щита, только с мечом (рис. 9), копьем (рис. 8) или, чаще, с гонфаноном - длинным копьем, снабженным вымпелом с тремя или четырьмя длинными косицами (рис. 1-4, 7, 10). Этот рисунок нес важную смысловую нагрузку, так как гонфанон являлся символом власти военачальника; под него собирались вассалы в походе и в бою. "Копье" (хотя сам термин сформировался к XIV в.) и в этот период, и позднее было основной тактической единицей рыцарской армии [35].

Вплоть до начала XIII в. всадник на печатях изображался со щитом, обращенным к зрителю внутренней стороной: Фульк V, граф д'Анжу (печать 1109 г. (рис. 3) [36]; Конан IV, герцог Бретонский и граф Ричмонд (печать 1164/1168 г. ? (рис. 8) [37]; Эд I Боррель, герцог Бургундский (печать 1093 г.) [38]; Гуго Мирный, герцог Бургундский (печать 1102 г.) [39]; Гуго II, граф де Даммартен-ан-Гозль (печать 1107 г.) [40]; Тибо, сир де Крепи (печать 1167 г.) [41]; Бушар IV, сир де Монморанси (печать 1169 г. (рис. 9) [42]; Генрих II, граф д'Анжу и герцог Нормандский (печать 1151/1154 г.) [43]; Жерар, сир де Пикиньи, видам Амьена (печать 1186 г.) [44]; Карл Добрый, граф Фландрский (печать 1119 г.) [45]; Вильгельм Нормандский Клитон, претендент на графство Фландрское (печать 1119 г.) [46]; Гуго I, граф Шампанский (печати 1099 и 1110 г.) [47], etc. - следовательно, никакого рисунка на щите не было. Если же он был повернут внешней стороной, то оставался пустым: Людовик, граф Блуа и Шартра (печати 1196 и 1202 г.) [48]; Ротру IV, граф дю Перш (печать 1190 г.) [49]; Бозмунд III, принц Антиохийский (лицевая сторона буллы 1186 г.) [50];

Рено, граф Сидонский (печать 1165/1204 г.) [51]; Раймон III, граф Триполи (печать 1163 г.) [52]; etc. Весьма вероятно, что щиты раскрашивали яркими красками, обивали мехами по старинному германскому обычаю; но изображение, несущее смысловую нагрузку, на щите с умбоном и усиливающими полосами поместить просто негде. Позднее граверы найдут способы повернуть всадника на печати так, чтобы хоть часть щита была видна, и его украсят полным или частичным гербом. Но тогда, благодаря усилению доспеха, изменится и сам щит - он станет гораздо меньше (до седла) и легче, лишится умбона - теперь на свободном поле можно поместить какое-то изображение [53]. Именно первая половина XIII в. - время интенсивного выхода гербов на щиты, но создавались гербы в первую очередь все же не для этого.

Бурный расцвет гербов приходится на первую четверть XIII в., и связан он со столь же бурным распространением среди знати, включая самую мелкую, личных печатей. Впрочем, эта идея не нова: еще в 1980 г. известный французский геральдист М. Пастуро мимоходом высказал аналогичное мнение: "Мода на турниры и растущее использование печатей, по-видимому, были двумя основными факторами относительно быстрого распространения гербов" [54]. Турниры придется оставить в стороне - редкие праздники не оказывали уж такого значительного влияния на повседневную жизнь; да и участников турнира герольды объявляли во всеулышанье, так что не было прямой нужды в дополнительных обозначениях. Другое дело - печати, необходимые если не ежедневно, то довольно часто. Дело в том, что каждый сеньор в своем округе, большем или меньшем, являлся главой военной, административной и судебной власти; его печать должна была скреплять все приговоры суда, все сделки купли, продажи, дарений и завещаний движимого и недвижимого имущества, отчуждения и дарования привилегий и т. д. До широкого распространения печатей даже королевские грамоты завершались длинными списками свидетелей акта (чем длиннее, тем достовернее); теперь стало достаточно формулы: "...в присутствии свидетелей подтверждаем и нашей печатью скрепляем..."

Формирующийся в начале XIII в. новый слой пользователей печатями желает идентифицировать себя не как членов вассальной группы, следующие за своим сюзереном, а персонально, в соответствии со своей ролью и властью в обществе [55]. И здесь герб становится знаком этой индивидуализации, знаком выделения из обезличенной группы вассалов; с другой стороны, герб - это принадлежность к знатному роду, что определяет права, привилегии, положение каждого в обществе. В силу этого герб становится необходимым элементом каждой рыцарской печати, несет ли его на щите всадник, занимает ли он все поле печати, или помещается на контр-печати, если сама печать представляет охотничью сцену. .

М. Пастуро [56] и вслед за ним Б. Бедос-Резак [57] считают, что гербы на печатях появляются уже во второй трети XII в. Это заявление представляется очень категоричным. М. Пастуро сам пишет, что из 32 предметов королевского обихода в правление Филиппа II Августа (1180-1223) -

сундуки, керамическая плитка, витражи, изделия ювелиров и эмальеров - половина украшена "фантазийными гербами", то есть составленными без правил [58], и строго говоря, гербами не являющимися. Во второй половине XII в. в поле контр-печатей, еще не оформленные щитами, помещались личные отличительные знаки (то, что называется "connaissances"), столь характерные для высшей знати, или "говорящие гербы" - так сказать, еще "протогеральдические фигуры" (по выражению М. Пастуро [59]). Естественно, что многие из них со временем превратились в полноценные гербы, но очень трудно сейчас провести между ними четкую и однозначную границу. Вот, например, печать Рено, сира де Сен-Валери-сюр-Сомм, от ок. 1160 г., на которой всадник несет щит с одним умбоном; зато на контр-печати в поле изображен леопард с головой, обращенной назад (рис. 6) [60]. Двумя десятилетиями позднее преемник Рено - Бернар II (1181 г.) поместил двух леопардов одного под другим - и на щите, который держит всадник, и на контр-печати в треугольном щите (рис. 12) [61]. точно также мы видим орла с распростертыми крыльями - "говорящий герб" першских сеньоров де Л'Эгль (франц. aigle - орел) в поле печати без щита, что у Ришара ок. 1180 г., что у Гилберта в 1215 г. [62].

Кроме того, существовала мода на гербовый рисунок в зависимости от региона и времени. Так, в Нормандии при Филиппе Августе чаще всего встречаются пояса, в Бретани - веретена, в Пуату - лилии, в Бовззи - мерлетки и т.д. [63]. У вассалов выбор изображения нередко определялся тем гербом, который носил их сюзерен: в Дофине - дельфин, в Барруа - рыбы, во Фландрии - лев и т.д. Впрочем, лев был широко распространен во всем Французском королевстве - он всего лишь стереотипная эмблема христианского рыцаря, что легко просматривается по современной литературе [64]. Если это учесть, то печать Робера I Фрисландца, графа Фландрского, от 1072 или 1073 г. с изображением льва, которую считают самой ранней гербовой печатью [65], получает иное, не геральдическое толкование. Интересно, что лилия в это время является не только обычным символом Девы Марии, но и атрибутом суверенитета [66]. Она еще никоим образом не означает родства с французским королевским домом, будучи такой же модой, как и лев [67].

По-видимому, период между 1150 и 1180 гг. следует считать эпохой, в которую геральдика формируется как социальное явление, со временем становится неотъемлемой частью общественной жизни и пронизывает все ее сферы. Она проникает в повседневную жизнь, породив моду на блию и гербовые котты (рис. 17-18); гербовыми капарасонами покрывали боевых коней, не говоря уже об участниках парадных процессий; гербами украшали драпировки, мебель, кареты и паланкины дам, дома, храмы (наиболее яркое свидетельство последнего - великолепные витражи Шартрского собора, датированные ок. 1223-1225 гг., с многочисленными гербами донаторов [68]) и надгробия (См. мраморное надгробие Робера Французского, графа д'Артуа, погибшего в 1250 г. в крестовом походе, которое ныне хранится в Сен-Дени [69]). Люди XIII в. уже не мыслили своей жизни без гербов - сочинители снабжали гербами героев своих творений, будь то

король Артур и его рыцари Круглого стола, Карл Великий, Александр Македонский, античные или библейские персонажи. Наконец, гербы появляются на монетах сенжоргов: ок. 1223-1226 г. - в виде отдельных эмблем (рис. 19) [70], ок. 1240 г. - полностью (рис. 20-23) [71], а после 1266 г. - на королевских (рис. 24) [72], завершив тем самым официальное признание гербов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаттерер И.К. Начертание гербоведения. СПб, 1805. С. 6-8; Eysenbach G. Histoire du blason et science des armoiries. Tours, 1848. P. 36-38; Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990 (Репринт 1855 г.). С. 26-28; Руа Ж.Ж. История рыцарства. М., 1996 (Репринт 1858 г.). С. 74; Арсеньев Ю.В. Геральдика. М., 1908. С. 14, 20.

2. Pastoureau M. Figures et couleurs: Etudes sur la symbolique et la sensibilité médiévale. Paris, 1986. P. 71.

3. Trésor de numismatique et de glyptique. T. XII - Sceaux des grands feudataires de la couronne. Paris, 1836. P. 21, pl. XIX-1; Bedos-Rezak B. Towns and seals: representation and signification in medieval France // Id. Form and Order in medieval France. Variorum, 1993. Art. XII. P. 48, fig. 2.

4. Wallon H. Saint-Louis. Tours, 1878. P. 479-481.

5. Trésor..., op. cit. P. 36, pl. XIX-5.

6. Catalogue général illustré des éditions de la Monnaie de Paris. Paris, s.a. T. VI. P. 105, "B".

7. Bony P. L'image du pouvoir seigneurial dans les sceaux: codification des signes de la puissance de la fin du XIe siècle au début du XIIIe siècle dans le pays d'oïl // Seigneurs et seigneuries au Moyen Age. Actes du 117e Congrès National des Sociétés Savantes. Paris, 1993. P. 521, pl. V-30.

8. Trésor..., op. cit. P. 19, pl. XVII-1.

9. Bony P. Op. cit. P. 522, pl. V-37.

10. Cartulaire de Saint-Denis de Nogent-le-Rotrou. Vannes, 1895. P. 215, fig. 3-4.

11. Buchon J. A. Recherches et matériaux pour servir à une Histoire de la domination française aux XIII, XIV et XVe siècles, dans les provinces démembrées de l'empire grec, après la Quatrième croisade. Paris, 1840. P. 24, pl. II-1.

12. de Vogüé M. Monnaies et sceaux des Croisades // Mélanges de numismatique. Paris-Le Mans, 1877. T. II. P. 180-181, pl. III-10.

13. Marmoutier: cartulaire blésois. Blois, 1889. P. CXII, pl. XI-7.

14. Pastoureau M. Diffusion des armoiries et les débuts de l'héraldique // La France de Philippe Auguste - le temps des mutations. Actes du Colloque international organisé par CNRS. Paris, 1982. P. 760, pl. I-1.

15. Cartulaire de Saint-Denis..., op.cit. P. 214, fig. 1-2; p. 215, fig. 5; Cartulaire de Notre-Dame de Chartres. Chartres, 1862. T. 1. № 134.

16. Trésor..., op. cit. P. 23, pl. XX-1.

17. Bony P. Op. cit. P. 522, pl. VI-36.

18. Trésor..., op. cit. P. 30, pl. XXVIII-1.

19. Ibid. P.21, pl. XIX-1; Bedos-Rezak B. Op.cit. P. 48, fig. 2.

20. Trésor..., op. cit. P. 19, pl. XVII-1.

21. de Voguë M. Op. cit. P. 180-181, pl. VIII-10.
22. Bedos B. Signes et insignes du pouvoir royal et seigneurial au moyen âge: le témoignage des sceaux // Les pouvoirs de commandement jusqu'à 1610. Actes du 105e Congrès National des Sociétés Savantes. Paris, 1984. T. I. P. 57-58.
23. Ранее это название обычно относилось к кожаной шапке с металлическими полосами или простому железному колпаку. - Contamine Ph. La guerre au Moyen âge. Paris, 1980. P. 313.
24. Id. L'armée de Philippe Auguste // La France de Philippe Auguste..., op. cit. P. 579.
25. Гамбезон - камзол с длинными рукавами, проложенный мягким и простеганный. - Wallon H. Op.cit. P. 478; Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. Paris, 1968. P. 307.
26. Цит. по: Contamine Ph. L'armée..., op. cit. P. 579.
27. Bony P. Op. cit. P. 518, pl. II-14.
28. Bedos-Rezak B. The social implication of the art of chivalry: the sigillographic evidence (France, 1050-1250) // The Medieval court in Europe. München, 1986. P. 179, fig. VIII.
29. Bony P. Op. cit. P. 519, pl. III-17.
30. Pastoureau M. Diffusion..., op. cit. P. 760, pl. I-4.
31. Bony P. Op. cit. P. 519, pl. III-20.
32. Ibid. P. 519, pl. III-18.
33. Villette J. Guide des vitraux de Chartres. Rennes, 1987. P. 104, 112.
34. d'Eschavannes J. Armorial universel. Paris, 1844. P. 16.
35. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. III. С. 218-224, Contamine Ph. La guerre..., op. cit. P. 161-163; Histoire militaire de la France. Paris, 1992. Т. I. P. 72,74.
36. Bony P. Op. cit. P. 517, pl. I-6.
37. Ibid. P. 519, pl. III-19.
38. Ibid. P. 517, pl. I-1.
39. Ibid. Pl. I-2.
40. Ibid. P. 519, pl. III-15.
41. Bedos-Rezak B. The social implication..., op. cit. P.178, fig. VI.
42. Ibid. P. 178, fig. V.
43. Ibid. P. 179, fig. VII.
44. Bony P. Op. cit. P. 520, pl. IV-27.
45. Ibid. P. 518, pl. II-19.
46. Ibid. P. 518, pl. II-10.
47. Ibid. P. 517, pl. I-5.
48. Marmoutier: cartulaire blésois..., op. cit. P. CXII, pl. XI-7.
49. Cartulaire de Saint-Denis..., op. cit. P.197, fig.1-2.
50. de Voguë M. Op. cit. P. 180-181, pl. VIII-10.
51. Yvon J. Monnaies et sceaux de l'Orient Latin // Revue numismatique. Paris, 1966. Ser. VI, vol. 8. P. 107, pl. III-17.
52. Schumberger G. Trois sceaux francs de Terre Sainte // Revue numismatique. Paris, 1891. P. 227, pl. VIII-2.
53. Wallon H. Op. cit. P. 481-482.

54. Pastoureau M. Diffusion..., op. cit. P. 741.
55. Bedos B. Signes..., op. cit. P. 61.
56. Pastoureau M. Diffusion..., op. cit. P. 742.
57. Bedos B. Signes..., op. cit. P. 57.
58. Pastoureau M. Diffusion..., op. cit. P. 740, note 9.
59. Ibid. P. 740.
60. Bony P. Op. cit. P. 519, pl. III-17.
61. Ibid. P. 522, pl. VI-36.
62. Cartulaire de Saint-Denis..., op. cit. P. 121, vign.; Cartulaire de Notre-Dame des Vaux de Cernay. Paris, 1857. T. I, part. 1. P. 198, note 2.
63. Pastoureau M. Diffusion..., op. cit. P. 754.
64. Ibid.
65. Лакиер А.Б. Ук.соч. С. 27; Арсеньев Ю.В. Ук. соч. С. 15. Впрочем, Г. Айзенбах со ссылкой на Ж. Мабильона сообщает, что данная печать признана поддельной. - Eysenbach G. Op. cit. P. 62.
66. Pastoureau M. Diffusion..., op. cit. P. 756-757; Id. La fleur de lis: emblème royale, symbole marial ou thème graphique? // La monnaie miroir des rois. Paris, 1978. P. 253-255.
67. Id. Diffusion..., op. cit. P. 757.
68. Villette J. Op. cit. P. 120, 125, 128, 131, 147.
69. Langlois Ch. V. Saint-Louis, Philippe le Bel et derniers Capetiens directs. Paris, 1982. P. 338-339.
70. Денарий Ги (Гига) де Форез как графа де Невер (1223-1226, +1241) с изображением дельфина - родовой эмблемы графов де Форез. - Roey-d'Avant F. Monnaies féodales françaises. Paris, 1858. T. I. P. 315, № 2140, pl. XLVII-1.
71. Денарий ок. 1240 г., чеканенный Жаном I Рыжим, герцогом Бретонским (1237-1286), представляет первый полный герб на сеньориальной монете. - Roey-d'Avant F. Op. cit. P. 63, № 347, pl. XI-8. Денарии геральдического типа, датируемые третьей четвертью XIII в.: монета Вильгельма де Куртене, сира де Шарантон (1255 - ок. 1264 гг.) (Caron E. Monnaies féodales de France. Paris, 1882. P. 102-103, № 163, pl. VII-13); монета ок. 1262-1267 гг. чеканенная Эдом Бургундским в качестве графа де Невер (Duby T. Traite des monnaies des barons et prelates... Paris, 1790. T. II. Pl. LXXXIX-5; Roey-d'Avant F. Op. cit. P. 316, № 2143, pl. XLVII-3); монета Людовика, графа де Сансерр, как сира де Шарантон (ок. 1264-1268 гг.) (Duby T. Op.cit. Pl. LXXII-2; Roey-d'Avant F. Op.cit. P. 304, № 2081, pl. XLV-22).
72. Engel A., Serrure R. Traité de numismatique du moyen âge. Paris, 1905. T. II. P. 948, fig. 1457.

Подписи к иллюстрациям

1. Этьен III Генрих, граф де Блуа и де Шартр (1089-1102). Печать 1089 г.
2. Эсташ III, граф де Булонь (1095-1115), брат Готфрида Буйонского. Печать ранее 1100 г.
3. Фульк V Молодой, граф д'Анжу (1109-1142). Печать 1109 г.
4. Галеран II де Бомон-ле-Роже, граф де Молан (1118-1166). Печать ок. 1136-1138 г.
5. Филипп Эльзасский, граф Фландрский (1168-1191). Печать 1159 г.
6. Рено, сир де Сен-Валери-сюр-Сомм. Печать ок. 1160 г.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

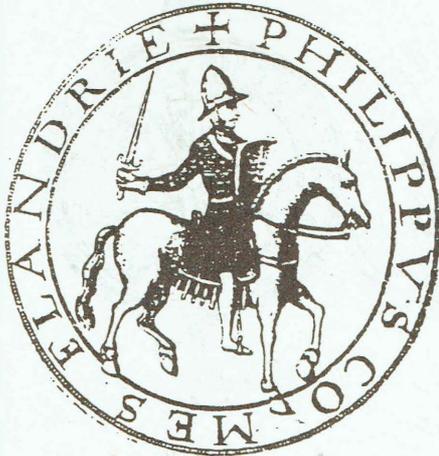

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

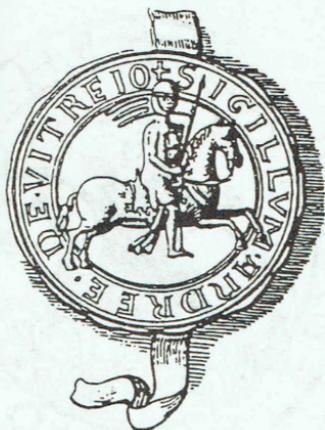

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 14.

Рис. 15.

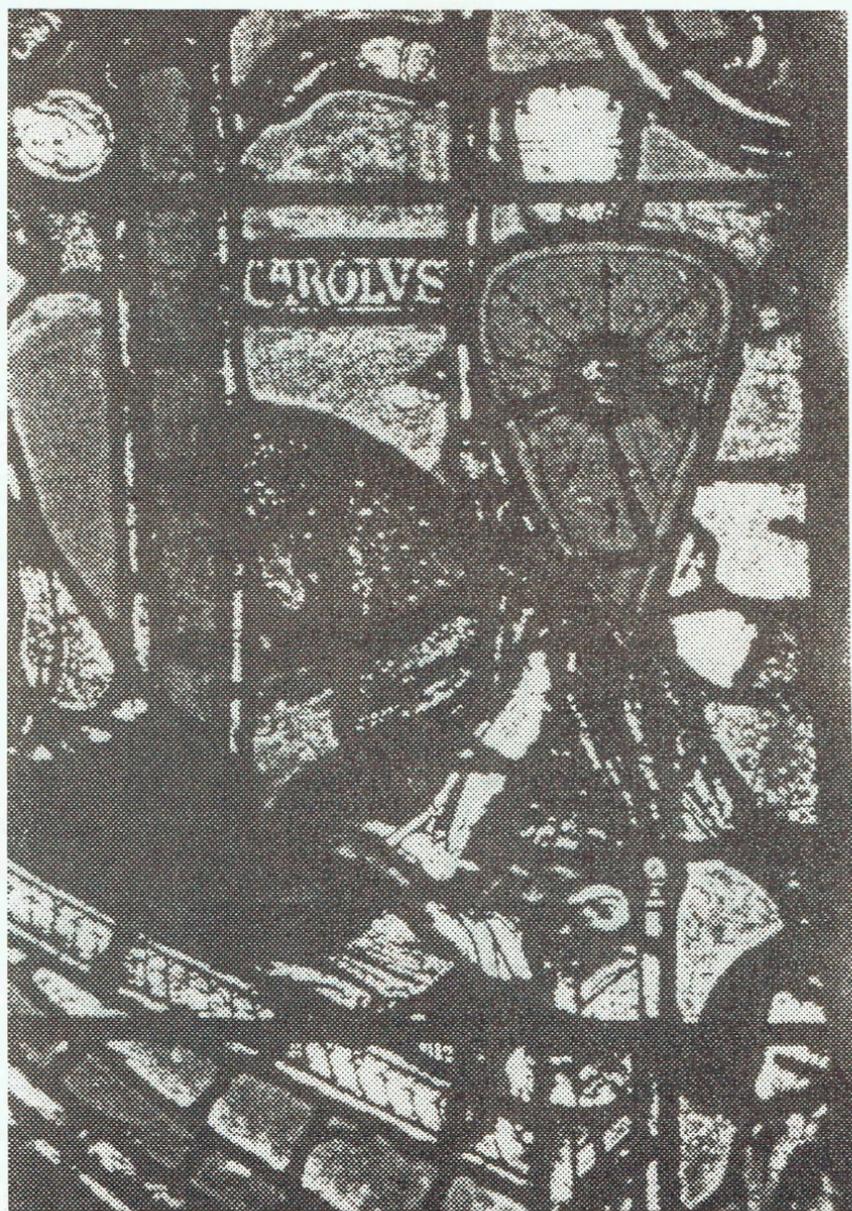

Рис. 16.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Рис. 24.

quod salute tua offendit gradumur. 0.

Dauud rex.

Военные сцены XII в.

(Илл. из Histoire militaire de la France. Paris, 1992. P. 50-51.)

7. Робер, сир де Витре. Печать 1161 г.
8. Конан IV, герцог Бретонский (1164-1170) и граф Ричмонд. Печать ок. 1164-1168 г.?
9. Бушар IV, сир де Монморанси (1160-1189). Печать 1169 г.
10. Андре II, сир де Витре. Печать 1173 г.
11. Герхард Гелдрнский, граф де Булонь (после 1170-1183). Печать ранее 1181 г.
12. Бернар II, сир де Сен-Валери-сюр-Сомм. Печать 1181 г.
13. Гуго VI, виконт де Шатоден (1180-1191). Печать ок. 1181 г.
14. Готье III, граф де Бриенн (1189-1205). Печать 1192 г.
15. Тибо III, граф Шампанский (1192-1197). Печать 1198 г.
16. Витраж Шартрского собора (ок. 1223-1225 гг.): сцена "Сон Константина" из цикла "Карл Великий" - Карл в доспехах начала XIII в.
17. Витраж Шартрского собора (ок. 1223-1225 гг.): донатор собора Пьер Моклерк де Дро, герцог Бретонский (1213-1237, +1250), в гербовой котте.
18. Витраж Шартрского собора (ок. 1223-1225 гг.): донатор собора Жан Клеман, сир дю Мец-ан-Гатинэ, маршал короля (1214-1226...), в гербовой котте.
19. Ги (Гиг) де Форез как граф де Невер (1223-1226, +1241). Денарий 1223-1226 гг.
20. Жан I де Дро, герцог Бретонский (1237-1286). Денарий ок. 1240 г.
21. Вильгельм де Куртене, сир де Шарантон (1255 - ок. 1264). Денарий ок. 1255-1264 гг.
22. Эд Бургундский как граф де Невер (1249-1267). Денарий ок. 1262-1267 гг.
23. Людовик I, граф де Сансерр (1218-1268), как сир де Шарантон (ок. 1264-1268). Денарий ок. 1264-1268 гг.
24. Людовик IX Святой, король Франции (1226-1270). Золотой денарий, или эку ок. 1266-1270 гг.

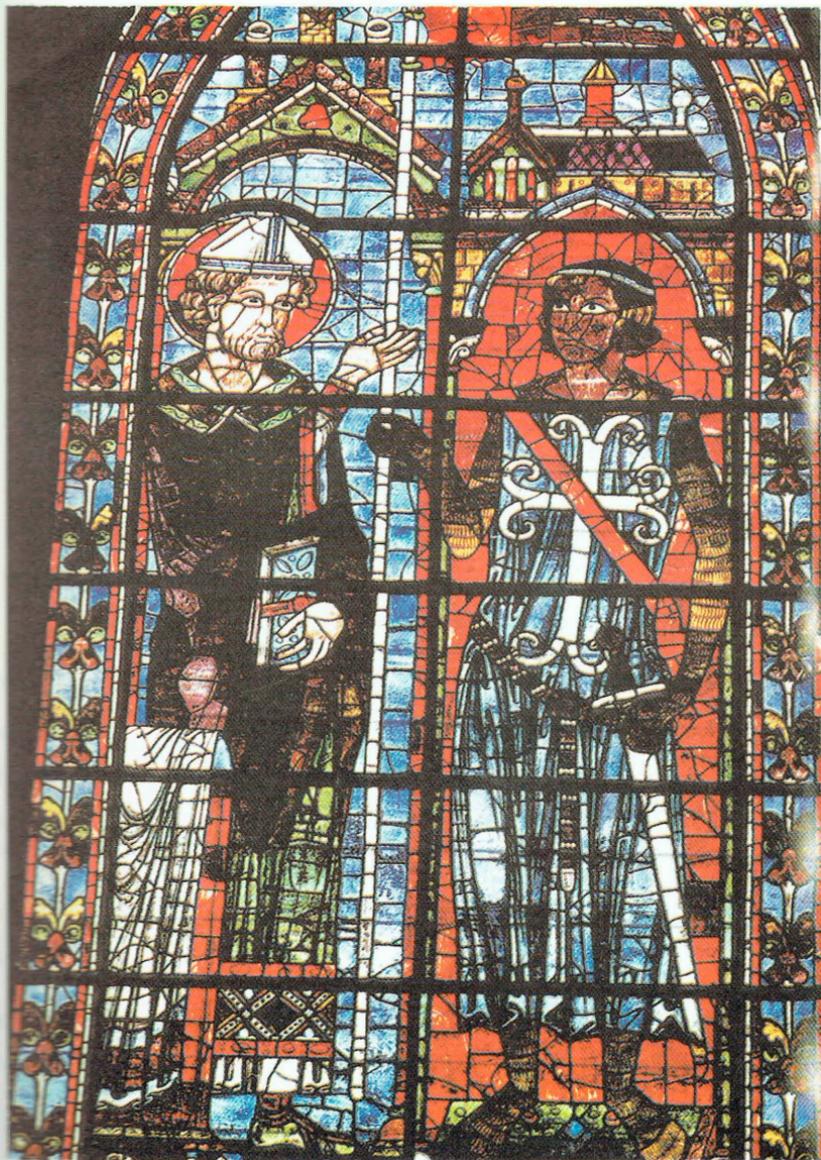
СТУКАЛОВА Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела нумизматики и хранитель западноевропейских монет Государственного Исторического музея, ученый секретарь Объединенного Проблемного Совета по нумизматике Государственного Исторического музея и Государственного Эрмитажа, ученый секретарь Всероссийской нумизматической конференции, член Нумизматического Комитета Международной организации музеев (ICOM), г. Москва.

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

(см. стр. 107)

Витраж Шартрского собора (ок. 1223-1225 гг.):
донатор собора Пьер Моклерк де Дро,
герцог Бретонский (1213-1237, +1250), в гербовой котте. (Рис. 17).

Витраж Шартрского собора (ок. 1223-1225 гг.):
донатор собора Жан Клеман, сир дю Мец-ан-Гатинэ,
маршал короля (1214-1226...), в гербовой котте. (Рис. 18).